

А.Е. Козлов

«СИБИРСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ» Н.М. ЯДРИНЦЕВА: ПАМЯТЬ ЖАНРА И КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

Рассматриваются литературные воспоминания Н.М. Ядринцева в аспекте автонарративной мемуарной традиции, индивидуальной и социальной мифологии. Сделанные наблюдения позволяют констатировать, что конструирование идентичности, осуществленное в тексте воспоминаний, создавалось по культурным лекалам, предполагая модификацию как существующей литературной, так и создаваемой социальной истории. Переиздания сочинений Ядринцева (1919, 1976 гг.) закрепляют за исследуемым мифом статус литературного факта.

Ключевые слова: сибирский текст; литературные воспоминания; мемуары; история областничества; нарратив; Ядринцев.

Мемуарные и публицистические тексты Н.М. Ядринцева неоднократно привлекали внимание исследователей, однако до недавнего времени они изучались преимущественно в рамках истории сибирской темы и формирования сепаратной областнической идеи [1–3]. В частности, накоплен материал, позволяющий изучить литературную и общественную деятельность Ядринцева в контексте интеллектуальных поисков эпохи, преимущественно связанных с развитием региональной идентичности. Этот процесс закономерно рассматривается как интегрирующий беллетристов, этнографов и общественных деятелей в некоторое сообщество, или «партию», имеющую свой кодекс и довольно четкую программу действий, внимание уделялось и идеологическому проектированию областников, одним из манифестов которого считается монография Ядринцева «Сибирь как колония» [4–7]. Разыскания последних лет, позволяющие увидеть за этими текстами элементы авторского мифотворчества и жизнестроительный проект, значительно расширяют спектр исходных интерпретаций [8–11]. Не меньшее значение приобретает прочтение текстов Ядринцева в контексте устоявшейся жанровой традиции литературных воспоминаний.

Представляя собой синтетический жанр, существующий на границе фикционального и нефикционального, воспоминания, по справедливому замечанию Л.Я. Гинзбург, содержат в себе априорный «фермент недостоверности»: «Совпасть полностью у разных мемуаристов может только чистая информация (имена, даты и т.п.); за этим пределом начинается уже выбор, оценка, точка зрения. Никакой разговор, если он сразу же не был записан, не может быть воспроизведен в своей словесной конкретности. Никакое событие внешнего мира не может быть известно мемуаристу во всей полноте мыслей, переживаний, побуждений его участников – он может о них только догадываться. Так угол зрения перестраивает материал, а воображение неудержимо стремится восполнить его пробелы – подправить, динамизировать, договорить» [12. С. 11]. Связывая воедино фикциональное и нефикциональное, литературные воспоминания, как

правило, ориентированные на роман воспитания и роман карьеры, определяли формирование устоявшихся сюжетов памяти, т.е. многократно повторяемых и варьируемых нарративных элементов [13], маркирующих основные этапы вхождения в литературную среду и последующего утверждения в ней [14].

Особое значение этот жанр приобретает во второй половине XIX в., становясь одной из распространенных дискурсивных практик русской литературы. Воспоминания позволяли объединить повседневность, литературный быт с рефлексией взглядом на пройденный творческий и общественный путь. В рассматриваемый период времени традиция мемуарной прозы, отчасти реанимированная Ф.В. Булгариным и В.А. Соллогубом, получила развитие как в анекдотическом варианте, представленном в спектре от воспоминаний И.И. Панаева до Н.В. Успенского, так и в элегически-философском (С.Т. Аксаков, А.А. Григорьев, И.С. Тургенев, П.Д. Боборыкин). В большинстве случаев литературные воспоминания не исчерпывались ретроспективными очерками и были направлены на самоконструирование и предъявление своей жизни как особого проекта, реализуемого в спектре личной и общественной идентичности [15–17].

В мемориальной статье, посвященной А.П. Щапову, Ядринцев писал: «Сибирское общество не научилось еще дорожить писателями и учеными, вышедшими из его среды, уважать их труды и чтить их память. Их могилы остаются заброшенными, забытыми, а имена почти не повторяются. Сибирское общество не имеет биографии Словцова, не знает учеников его, не знает многих и многих второстепенных деятелей сибирских, работавших, мысливших и страдавших. Это, впрочем, естественный удел общества, не начинающего еще гражданскую и умственную жизнь» [18. С. 7].

Сказанное о П.А. Словцове проецировалось не только на Щапова, но и весь круг сибирских областников. «Отверженные», «отторгнутые» от метрополии, сибирские областники обращались к автоописанию, чтобы не только подвергнуть ревизии «большую» журнальную и ученую литературу, но и, включив в нее свои имена, предъявить ей во многом мифо-

логизированную альтернативу [4, 10, 11, 21]. В этом ключе заслуживают анализа как собственные тексты Ядринцева: «Литературные воспоминания сибиряка», «Сибирь перед судом русской литературы», «Сибирь как колония», так и позднейшие компиляции работ писателя.

В настоящей статье речь пойдет о корпусе текстов, объединенных названием «Сибирские литературные воспоминания»¹. В 1919 г. эти тексты были переизданы издательством красноярских областников, при этом оригинальный текст автора подвергся содержательным правкам. Во-первых, отчасти нарушающее авторскую волю переименование текста не только меняло маркеры идентичности (писатель – *сибиряк, областник, провинциал*), но и оказывало влияние на конфигурацию событий и их аксиологический статус (все истории, преимущественно столичные, получали сибирскую атрибуцию и воспринимались исключительно в сибирском контексте). Между названием и подзаголовком, таким образом, возникало неизбежное противоречие: *очерки первого сибирского землячества в Петербурге* предполагали смещение фокуса внимания от метрополии к периферии, их функциональную мену. Во-вторых, сегментация воспоминаний, обусловленная газетно-книжной средой, произвольно устранялась, и отрывочные, фрагментарные тексты подводились под графическое книжное единство. Логика составителей сборника была направлена на дальнейшую мифологизацию, в которой отчетливы жизнестроительные интенции. Так, например, данное на первых страницах описание приобретает космогонический характер: «Акт нашего местного самосознания совпал с великим актом пробуждения русской жизни. Мы помним это время. Не умолк еще гул последнего пушечного выстрела на Крымском полуострове, еще пахло дымом, и он не успел рассеяться, подобно туману, после кровопролитной войны, а над русскою землею всходило яркое солнце, солнце новой жизни и обновления» [24. С. 3]².

Важно заметить, что мемуары Ядринцева изобилуют «климатическими» и органицистскими метафорами, характерными для политического языка XIX в.³ Один из лейтмотивов у Ядринцева в этом смысле – мотив «посвежевшего» воздуха, незатрудненного «дыхания». Такой метафорический комплекс связан как с «матрицей переживания» А.И. Герцена [22, 23], так и текстами «соратников» и единомышленников (в частности, идейного наставника Потанина).

«Это была эпоха обновления русской жизни, под которою мы тогда жили и распускались. Эпоха незабвенная, где все веяло пробуждением умственной жизни и лучших человеческих инстинктов. Маленькие люди становились гигантами, а то и героями, потому что окружающее поднимало дух, вдохновляло» [18. С. 3].

Локальная история, при своей самостоятельности, оказывается созвучной истории страны. Отчасти такой подход был инспирирован очерком П.В. Анненкова «Замечательное десятилетие»: через фигуру Белинского и молодых интеллектуалов, собравшихся вокруг Станкевича, мемуарист в духе философии Т. Карлейла и Б. Дизраэли описывал интеллектуальные поиски своего времени [15, 16, 24]. В повествова-

нии Ядринцева крупные геополитические изменения, от 1855 г. – времени интеллектуального и политического возрождения Российской империи – до середины 1860-х гг. отражаются на судьбе землячества, «детей страны далекой».

Смысловый центр воспоминаний, как и у Анненкова, составляет описание фигуры идеолога Белинского, вдохновляющей общество и сподвигающей его на новые открытия. Функциональная роль «центростремительной силы» в воспоминаниях отводится Г.Н. Потанину⁴, вокруг которого выстраивается галерея портретов, взятых в специфической оптике и воплощенных в особой гамме.

Магистральную линию воспоминаний, как и в «Былом и думах», составляет своего рода *bildungsroman*, в котором политическое и социальное прозрение героя соответствует его взрослению и инициации [25, 26]. При этом события детства и раннего отрочества нивелируются Ядринцевым в силу своей нарративной незначимости: в них нет ничего (кроме чтения статей Белинского), что могло бы сделать героя воспоминаний исключительной личностью, наделить его особым комплексом переживаний и восприятия действительности⁵. Противоположность – событийную и нарративную – составляет время студенчества. Ядринцев ассоциирует первые годы университетской жизни с прозрением и познанием действительности как таковой.

Автору предстояло возвысить круг своих ближайших современников, сообщив значимость каждой мимолетной студенческой сходке (что в свое время было осуществлено А.И. Герценом и П.Д. Боборыкиным⁶), и одновременно показать ключевое влияние текстов этих современников на развитие литературы. Так, описывая опыт первой встречи, мемуарист замечает: «сходка вышла шумная и оживленная», но здесь же уточняет: «в ней трудно было однако уже не заметить земляческих симпатий». Апелляция к чувственному восприятию (близкому к идее почвы в журналах братьев Достоевских) занимает доминирующую позицию в этом описании. Автор воспоминаний красноречиво ставит знак равенства между литераторами и студентами, мотивируя такое тождество следующими словами: «это были герои дня».

Обрисовка литературных портретов близка по типу к воспоминаниям разночинцев 60-х гг. М.А. Антоновича, Н.В. Успенского, В.И. Водовозова, Ю.Г. Жуковского [27, 28]. Как и многие разночинцы, в конце жизни подхватившие инициативу самоописания, Ядринцев строит свой текст по лекалам «Утраченных иллюзий» О. Бальзака.

«Явившись в Петербург, нас сразу обдало литературным движением и охватило страстью к литературе. Мы с величайшей жадностью читали все, выходящее из-под пера тамошних писателей. Я сейчас же приобрел избранную библиотеку из всех лучших произведений русской литературы» [18. С. 13].

Такой вектор имеет объяснение: главные герои, как правило, «делают карьер» (Осипович-Новодворский), реализуют свое поприще вдали от дома. Сохраняя региональную идентичность, они, тем не менее, вступают в общую конкурентную борьбу за признание. И здесь – вне зависимости от желания ав-

тора и прагматики конструируемого текста – реализуется классический сюжет демократической прозы «провинциал в столице».

Упомянув об обещаниях поэта-тоболяка П.П. Ершова, Ядринцев переходит к несбывшимся надеждам своего времени: «Конечно, многие из этих мечтаний не могли быть осуществлены; один их забыл, как и свои клятвы, другие не дожили до осуществления даже ничтожной части из своих юношеских ожиданий. Горькая жизнь впоследствии, конечно, стерла эти розы юности» [18. С. 13].

Судьбы большинства писателей-областников служат иллюстрацией к высказанному тезису. Так, например, обращаясь к биографии Н.С. Щукина, заимствуя яркие и характерные черты из тезауруса тургеневской прозы и публицистики⁷, автор воспоминаний показывает, как «из этого Рудина, новатора, обличителя», прямо сравниваемого с Дон Кихотом, «получился мрачный мистик, совершенно помешавшийся, смутно припоминая прошлое, страшившийся его, проклиная с суеверным ужасом». Сходный сюжет «гибели таланта» проигрывается и в описании поэта Красноперова⁸, считавшегося при жизни погибшим и, по предположению автора, впоследствии действительно покончившего с собой. Заметим, что в обоих случаях, наряду с жизнестроительной неудачей, поражение постигает и литературную деятельность: Щукин печатал «разве одну тысячную написанного», а Красноперов так и не смог пристроить в литературный журнал свою «Солдатку», якобы оцененную Некрасовым. Литературные судьбы двух «самобытных писателей» исчерпываются феноменами *графомании* и *дилетантизма*.

Как известно, большинство выходцев из сибирского землячества, равно как и сам Ядринцев, в описываемый мемуаристом период не смогли заслужить сколько-нибудь прочной литературной репутации. Большинство из них, работая в пределах обличительной и сатирической журналистики (преимущественно в «Деле» и «Искре»), пряталось под псевдонимами и криптонимами и «не попадало в высшие литературные круги». Судьбы таких же, как и они, провинциальных разночинцев, временно оказавшихся в центре демократической журналистики: Ф.М. Решетникова, А.И. Левитова, Н.В. Успенского, скорее всего, свидетельствовали о быстротечном характере литературной славы.

Вывод, к которому приходит Ядринцев, своеобразен: «Несмотря на отрицание эстетики, мы оставались эстетиками и впоследствии возвратились к ней». Здесь содержится примирение взглядов «отцов» и радикальной позиции «детей». Такое примирение могло осуществиться только в ретроспективе, став частью проекта мемуариста. Не меньшее значение играют отмеченные выше органицистские метафоры: при либерализме и стремлении к лагерю обличителей Ядринцев в то же время разрабатывал идеи и метафоры, свойственные «почвенному» кругу «Времени» и «Эпохи»⁹. Этим объясняются тяготение текста Ядринцева к мемуарам А.А. Григорьева и его безоговорочное признание «Записок из Мертвого дома» главным текстом Ф.М. Достоевского [21].

Вторую, меньшую часть брошюры составили «Письма о Родине». Этот отдельно существующий текст не предполагает обращения к «фигурам памяти» и сосредоточен на *переживании* (в значении *erlebnis*, о котором писал В. Дильтей [22]) Сибири как особого социального, политического и интеллектуального пространства – в нем обнаруживается сюжетная и идеологическая «завязь» центральной книги писателя «Сибирь как колония».

«Отныне, дорогая земля, дорогое отечество, мы возьмем все твои боли, отныне мы будем ценить твои радости, и если ты нанесешь уколы нам, мы скроем руку с струящейся кровью, как делаю я в эту минуту. Вот тот завет, который слагался в наших юных душах, который мы приняли восторженно в нашем сердце» [18. С. 26].

При фабульном совпадении с мемуарной хроникой Герцена (клятва на Воробьевых горах, ориентированная на «Сравнительные жизнеописания» Плутарха) этот текст снова обнаруживает парадоксальное тяготение к Тургеневской прозе, поэзии его лирических мест и стихотворений в прозе.

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!	Посреди современной сумятицы, нареканий, кляуз, среди разнообразных требований сибирского общества и требований от общества
В эту минуту горьких сомнений	
Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? [31]	Когда я воскрешаю прошлое, передо мною проносятся иные благородные образы, дорогие тени, и я говорю на их могилах: «нет! еще не все погибло и не все деморализовано, я верю...» [18. С. 26].

Однако именно на фоне подчеркнуто литературной, элегической интонации в «Письмах...» (с эксплицитным упоминанием «Мертвых душ» (вместо Руси – Сибирь как колония и Новая Америка) и имплицитным (мнемоническим) упоминанием Тургенева) возникает реалистический комментарий: «Укромно, боязливо собирались мы в свой маленький кружок во время пребывания в университете и часто говорили о своем возвращении домой. Возвращаться в дикое общество без веры, без надежды на будущее, было немислимо. Надо было создать эту веру, и она явилась сама собой» [18. С. 26]¹⁰. Предельно обнаженная в этом фрагменте жизнестроительная интенция распространяется не только на «Письма», но и становится одним из наиболее прозрачных автокомментариев к воспоминаниям Ядринцева: Сибирь предстает не только и не столько географическим пространством, сколько мировоззрением и высшей ценностью, а «Письма о Родине» – символом новой, впервые утверждаемой веры.

Таким образом, изданная красноярскими областниками компиляция «Сибирские литературные воспоминания» (1919) обусловила дальнейшую мифологизацию, потенциал которой ощутим в авторизованных текстах Ядринцева. Синтезируя фрагменты воспоминаний в цельную литературную историю и объединяя

два отстоящих по времени и настроению текста, составители отчасти приблизились к задаче создания единого канонического текста писателя. Неслучайно, в 1976 г. этот вариант с минимальными изменениями вошел в антологию «Литературное наследство Сибири» (Т. 5), по которому цитируется до сих пор.

Так биографический миф, ставший частью социальной мифологии, перешел в разряд литературного факта.

Автор благодарит Александра Юрьевича Горбенко за деятельные советы и критику черновых версий статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Под этим названием публиковались мемуарные очерки [19], однако в трех остальных выпусках газеты продолжение называлось (везде одинаково) «Студенческие и литературные воспоминания сибиряка» [20].
- ² Здесь и далее цитируется [18], поскольку именно в этом издании закрепился анализируемый в статье локальный миф.
- ³ Благодарю за это указание Александра Юрьевича Горбенко.
- ⁴ Статьи Белинского упоминаются в «Воспоминаниях» как импульс, дающий основание для самосознания. В этом отношении беседы с Потаниным, прямо называемым «ментором», становятся содержательным эквивалентом, определяющим мировоззрение писателя.
- ⁵ Заметим, что Герцен подробно пишет о детстве и в «Записках одного молодого человека» и в «Былом и думах», поскольку осознание статуса незаконнорожденного определяло, становясь нарративным импульсом, определяло его идентичность в дальнейшем.
- ⁶ В биографическом романе П.Д. Боборыкина «В путь-дорогу» студенческий быт описан через систему корпораций: казанское студенчество представлено как сообщество молодых и самоуверенных людей, которому противопоставлена эстонская Рутения с жестким, единожды принятым кодексом поведения. В позднейших мемуарах «За полвека» Боборыкин ожесточенно критиковал оба студенческих уклада.
- ⁷ «Этой эпохи коснулся Тургенев в своих типах и героях, хотя, может быть, эти герои были также обыкновенные люди» [24. С. 23].
- ⁸ Ядринцев не указывает инициалы Красноперова, что позволяет видеть за конкретной историей иллюстрацию литературной неудачи целой литературной генерации [30].
- ⁹ Отметим и публицистическое сходство текстов Ядринцева со статьями, представленными в журналах братьев Достоевских: «Наша родина, как известно, сторона печальная. <...> Что мы построили, что создали? Где наши памятники, где наша живая история? Какие досадно темные и неопределенные ответы мы должны давать на эти вопросы! Но есть у нас один ответ ясный и вполне определенный: у нас уже есть литература; жизнь пробилась в ней светлою, текучею струею» [29]. Единой атрибуции статьи нет: ее авторство приписывается как Ф.М. Достоевскому, так и Н.Н. Страхову [17].
- ¹⁰ Не исключена мнемоническая параллель со вступлением к «Медному всаднику» А.С. Пушкина. В обоих текстах осуществляется буквальное рождение из мысли демиурга («И думал он...») нового космоса [32] («Прошло сто лет, и юный град, Полнощных стран краса и диво, Из тьмы лесов, из топи блат Вознесся пышно, горделиво...»). Однако избранная Ядринцевым инстанция «мы» демократизирует эту модель. Подобные жизнестроительные практики, направленные на изображение «коллективной мысли» и «коллективного дела», найдут устойчивое выражение в советской литературе и эстетике. Например, в хрестоматийном «Рассказе Хренова о Кузнецкстрое и людях Кузнецка»: «Темно свинцовоночие, и дождик толст, как жгут, сидят в грязи рабочие, сидят, лучину жгут. Сливают губы с холода, но губы шепчут в лад: “Через четыре года здесь будет город-сад!”» [33].

ЛИТЕРАТУРА

1. Сибирская тема в периодической печати, альманахах и сборниках XIX века (1800–1900 гг.) / сост. А.А. Богданова. Новосибирск, 1970. 53 с.
2. Двойнев А.В. Отечественная историография сибирского областничества (60-е годы XIX века – 20-е годы XX века) : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2006. 286 с.
3. Чуркин М.К. Историческая «травма» колонизации в рецепции сибирского областничества (вторая половина XIX – первая четверть XX вв.) // Пятые Ядринцевские чтения : материалы V Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. П.П. Вибе. 2019. С. 66–71.
4. Чуркин М.К. «Спящая Красавица»: Образ Сибири в научно-публицистическом наследии Н.М. Ядринцева // Первые Ядринцевские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 170-летию со дня рождения Николая Михайловича Ядринцева (1842–1894) / под ред. П.П. Вибе, Е.М. Бежан, 2012. С. 101–104.
5. Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России : сб. ст. / под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М. : Нов. лит. обозрение, 2012. 960 с.
6. Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве / науч. ред. К.В. Анисимов. Красноярск, 2014.
7. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М. : Нов. лит. обозрение, 2016. 448 с.
8. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX веков: Особенности становления и развития региональной литературной традиции : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2005.
9. Родигина Н.Н. Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск, 2006.
10. Горбенко А.Ю. Овидии с провинциальных берегов: автомифотворчество сибирских литераторов конца XIX – первой трети XX веков // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. DOI: 10.17223/19986645/65/11
11. Толстоноженко О.А. К вопросу о конструировании профессиональной идентичности писателей-самоучек в начале XX века // Летняя школа по русской литературе. 2019. № 2 (3). С. 207–220.
12. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. О литературном герое. М. : Азбука-Атикус, 2016. 704 с.
13. White H. The Content of the Form: Narrative, Discourse and Historical Representation. UP, 1987. 264 p.
14. Bourdieu P. Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field. Stanford Uni. Press, 1996. 409 p.
15. Дячук Т.В. Концепт «писатель» в литературных воспоминаниях второй половины XIX – начала XX веков : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 208 с.
16. Калугин Д. Проза жизни: русские биографии XVIII–XIX вв. СПб. : Изд-во Европ. ун-та, 2015. 264 с.
17. Козлов А.Е. «Право на имя» и литературные воспоминания второй половины XIX в. // Studia Literarum. 2020. № 2 (6). С. 34–55.
18. Ядринцев Н.М. Сибирские литературные воспоминания. Красноярск, 1919. 27 с.
19. Ядринцев Н.М. Сибирские литературные воспоминания // Восточное обозрение. 1884. № 6. С. 11–14
20. Ядринцев Н.М. Студенческие и литературные воспоминания сибиряка // ВО. 1884. № 26. С. 12–15; № 33. С. 12–14; № 34. С. 9–11.
21. Новикова Е.Г. Ф.М. Достоевский и сибирское областничество. Статья первая // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 59. С. 185–197.
22. Зорин А.Л. Улыбка Наташи Ростовской: «Война и мир» в интертекстуальной и биографической перспективе // Шаги/Steps. 2019. № 2.
23. Силантьев И.В., Созина Е.К. Нарратив в литературе и истории. На материале дневниковой прозы А. Герцена 1840-х гг. // Сибирский филологический журнал. 2013. № 3. С. 58–69.
24. Макеев М. Николай Некрасов: Поэт и предприниматель: (Очерки о взаимодействии литературы и экономики). М. : МАКС Пресс, 2009. 236 с.

25. Краснощекова Е. Роман воспитания – Bildungsroman – на русской почве. Карамзин, Пушкин, Гончаров, Толстой, Достоевский. СПб. : Пушкинского фонда, 2008. 480 с.
26. Сарана Н.В. Традиция английского романа воспитания в русской прозе 1840–1860 гг. М. : ВШЭ, 2017.
27. Печерская Т.И. К вопросу о нарративном эффекте достоверности мемуаров // Сибирский филологический журнал. 2018. № 4. С. 55–61.
28. Manchester L. Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia (Studies of the Harriman Institute). Northern Illinois University Press, 2008. 300 p.
29. Литературные воспоминания И. Панаева // Время. 1861. № 12. С. 162–188.
30. Феномен творческой неудачи / под ред. А.В. Подчиненова, Т.А. Снигиревой. Екатеринбург : Изд-во УрФУ, 2011.
31. Тургенев И.С. Русский язык // Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М. : Наука, 1982. Т. 10. С. 172.
32. Душечкина Е.В. «От Москвы до самых до окраин...»: Формула протяжения России // Риторическая традиция и русская литература. СПб., 2003. С. 108–125.
33. Маяковский В.В. Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка («По небу тучи бегают...») // Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Худож. лит., 1955–1961. С. 128–131.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 25 августа 2020 г.

“Siberian Literary Memories” of Nikolai Yadrintsev: Genre Memory and Identity Construction

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 46–51.

DOI: 10.17223/15617793/459/5

Alexey E. Kozlov, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: alexey-kozlof@rambler.ru

Keywords: Siberian text; literary memories; memoirs; history of Siberian regionalism; narrative; Yadrintsev.

This research is carried out within the framework of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences “Cultural Universals of Verbal Traditions of the Peoples of Siberia and the Far East: Folklore, Literature, Language” supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, Contract No. 075-15-2019-1884.

The literary memories of Nikolai Yadrintsev are considered in the aspect of the self-narrative memoir tradition (primarily associated with the names of Ivan Turgenev, Pavel Annenkov and commoners generations), genre typology (features of the Bildungsroman and the career novel are highlighted (in the “Illusions perdues” version), and individual and social mythology. The observations made allow stating that, in the text of the memories, the identity was constructed according to cultural patterns, assuming the modification of both the existing literary history and the created social history. Yadrintsev’s literary heritage has been repeatedly investigated by historians and culturologists, but, until recently, mainly in the framework of the Siberian theme and the formation of a separate regional idea. Studies of recent years, revealing elements of the author’s myth-making and his life-building project in Yadrintsev’s texts, significantly expand the range of initial interpretations. The article considers Yadrintsev’s text as part of the self-descriptive tradition. As well known, fictional and nonfictional literary memories, traditionally oriented towards the Bildungsroman and the career novel, determined the formation of established plots of memory, i.e. repeated and varied narrative elements that mark the main stages of his entry into the literary environment and his subsequent establishment in it. The “outcasts” “separated” from the metropolis—Siberian regionalists—turned to self-description in order not only to revise the “big” journal and scholarly literature, but also, by including their names, to present it with a largely mythologized alternative. The reprint of Yadrintsev’s works in 1919 by the publishing house of Krasnoyarsk separatists contributed to the crystallization of the territorial and cultural identity, securing the status of a literary fact for the myth. Firstly, the renaming of the text changed the identity markers (the writer was a Siberian provincial) and influenced the configuration of events and their axiological status (all stories, mainly from the capital, received a Siberian attribution and were perceived exclusively in the Siberian context). Secondly, the segmentation of memories caused by the newspaper and book environment was arbitrarily eliminated, and fragmentary texts were graphically united in a book. The life-building intention, utterly exposed in this fragment (by mnemonic connections with the lyric-epic patterns of Gogol’s and Turgenev’s texts), extends not only to Letters, but also becomes one of the most transparent self-comments to Yadrintsev’s memories: Siberia appears not only and not so much as a geographical space, but as a worldview and the highest value, and *Letters about the Motherland* are a symbol of a new first-time-asserted faith.

REFERENCES

1. Bogdanova, A.A. (1970) *Sibirskaya tema v periodicheskoy pechati, al'manakhakh i sbornikakh XIX veka (1800–1900 gg.)* [The Siberian theme in periodicals, almanacs and collections of the 19th century (1800–1900)]. Novosibirsk: [s.n.].
2. Dvoynev, A.V. (2006) *Otechestvennaya istoriografiya sibirskogo oblastnichestva (60-e gody XIX veka – 20-e gody XX veka)* [Domestic historiography of Siberian regionalism (1860s–1920s)]. History Cand. Diss. Omsk.
3. Churkin, M.K. (2019) [Historical “trauma” of colonization in the reception of Siberian regionalism (second half of the 19th – first quarter of the 20th centuries)]. *Pyatye Yadrintsevskie chteniya* [Fifth Yadrintsev readings]. Proceedings of the V All-Russian Conference. Omsk: Izdanie Omsk. ist.-kraevedchesk. muzeya. pp. 66–71. (In Russian).
4. Churkin, M.K. (2012) [The Sleeping Beauty: The image of Siberia in the scientific and journalistic heritage of N.M. Yadrintsev]. *Pervye Yadrintsevskie chteniya* [First Yadrintsev readings]. Proceedings of the All-Russian Conference. Omsk: Izdanie Omsk. ist.-kraevedchesk. muzeya. pp. 101–104. (In Russian).
5. Etkind, A., Uffel'mann, D. & Kukulin, I. (eds) (2012) *Tam, vnutri. Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii* [There, inside. The practice of internal colonization in the cultural history of Russia]. Moscow: Nov. lit. obozrenie.
6. Anisimov, K.V. (ed.) (2014) *Sibirskiy tekst v natsional'nom syuzhetnom prostranstve* [Siberian text in the national plot space]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.
7. Etkind, A. (2016) *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii* [Internal colonization. The imperial experience of Russia]. Moscow: Nov. lit. obozrenie.
8. Anisimov, K.V. (2005) *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX vekov: Osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Problems of the poetics of Siberian literature in the 19th – early 20th centuries: Features of the formation and development of the regional literary tradition]. Philology Dr. Diss. Tomsk.

9. Rodigina, N.N. (2006) *Obraz Sibiri v russkoy zhurnal'noy presse vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* [The image of Siberia in the Russian journal press of the second half of the 19th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
10. Gorbenko, A.Yu. (2020) Ovids from the province: Self-myth-making of siberian writers of the end of the 19th to the first third of the 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 65. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/65/11
11. Tolstonozhenko, O.A. (2019) Towards the invention of professional identity of early 20th century autodidact writers. *Letnyaya shkola po russkoy literature – Summer School on Russian Literature*. 2 (3). pp. 207–220. (In Russian). DOI: 10.26172/2587-8190-2019-15-2-3-207-220
12. Ginzburg, L.Ya. (2016) *O psikhologicheskoy proze. O literaturnom geroe* [On psychological prose. On a literary character]. Moscow: Azbuka-Atikus.
13. White, H. (1987) *The Content of the Form: Narrative, Discourse and Historical Representation*. JHUP,
14. Bourdieu, P. (1996) *Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field*. Stanford University Press.
15. Dyachuk, T.V. (2005) *Kontsept “pisatel’” v literaturnykh vospominaniyakh vtoroy poloviny XIX – nachala XX vekov* [The concept “writer” in literary memories of the second half of the 19th – early 20th centuries]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
16. Kalugin, D. (2015) *Proza zhizni: russkie biografii XVIII–XIX vv.* [Prose of life: Russian biographies of the 18th–19th centuries]. St. Petersburg: European University at St. Petersburg.
17. Kozlov, A.E. (2020) “The right to biography” and literary memories of the 19th century. *Studia Literarum*. 2 (6). pp. 34–55. (In Russian). DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-2-34-55
18. Yadrintsev, N.M. (1919) *Sibirskie literaturnye vospominaniya* [Siberian literary memories]. Krasnoyarsk: Izdanie Krasnoyarskogo Soyuzha oblastnikov-avtonomistov.
19. Yadrintsev, N.M. (1884) Sibirskie literaturnye vospominaniya [Siberian literary memories]. *Vostochnoe obozrenie*. 6. pp. 11–14
20. Yadrintsev, N.M. (1884) Studencheskie i literaturnye vospominaniya sibiriyaka [Student and literary memories of a Siberian]. *Vostochnoe obozrenie*. 26. pp. 12–15; 33. pp. 12–14; 34. pp. 9–11.
21. Novikova, E.G. (2019) Fyodor Dostoevsky and Siberian regionalism. Article One. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 59. pp. 185–197. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/59/11
22. Zorin, A.L. (2019) Natasha Rostova’s smile: War and Peace in intertextual and biographical perspectives. *Shagi – Steps*. 2. (In Russian).
23. Silant’ev, I.V. & Sozina, E.K. (2013) A narrative in literature and history. Based on the material of diary prose by A. Herzen of the 1840s. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 58–69. (In Russian).
24. Makeev, M. (2009) *Nikolay Nekrasov: Poet i predprinimatel’: (Ocherki o vzaimodeystvii literatury i ekonomiki)* [Nikolai Nekrasov: Poet and Entrepreneur: (Essays on the interaction of literature and economics)]. Moscow: MAKS Press.
25. Krasnoshchekova, E. (2008) *Roman vospitaniya – Bildungsroman – na russkoy pochve. Karamzin, Pushkin, Goncharov, Tolstoy, Dostoevskiy* [The Bildungsroman on Russian soil. Karamzin, Pushkin, Goncharov, Tolstoy, Dostoevsky]. St. Petersburg: Pushkinskogo fonda.
26. Sarana, N.V. (2017) *Traditsiya angliyskogo romana vospitaniya v russkoy proze 1840–1860 gg.* [The tradition of an English novel of education in the Russian prose of 1840s–1860s]. Moscow: HSE.
27. Pecherskaya, T.I. (2018) On the narrative effect of the authenticity of memoirs of Elizaveta Vodovozova. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 4. pp. 55–61. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/65/6
28. Manchester, L. (2008) *Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia (Studies of the Harriman Institute)*. Northern Illinois University Press.
29. Panaev, I. (1861) *Literaturnye vospominaniya I. Panaeva* [Literary memoirs of I. Panaev]. *Vremya*. 12. pp. 162–188.
30. Podchinenov, A.V. & Snigireva, T.A. (eds) (2011) *Fenomen tvorcheskoy neudachi* [The phenomenon of creative failure]. Yekaterinburg: Ural Federal University.
31. Turgenev, I.S. (1982) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete works and letters: In 30 vols]. Vol. 10. Moscow: Nauka, T. 10. pp. 172.
32. Dushechkina, E.V. (2003) “Ot Moskvy do samykh do okrain...”: Formula protyazheniya Rossii [“From Moscow to the very outskirts . . .”: The formula for the extension of Russia]. In: Bukharkin, P.E. (ed.) *Ritoricheskaya traditsiya i russkaya literatura* [Rhetorical tradition and Russian literature]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 108–125.
33. Mayakovskiy, V.V. (1955–1961) *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete works: In 13 vols]. Vol. 10. Moscow: Khudozh. lit. pp. 128–131.

Received: 25 August 2020